

Начало «Академического дела». Обнаружение в БАН подлинников отречений Николая II и Михаила: Дневник Е.Г. Ольденбург. 1929 г., тетрадь 2. Запись за 25 октября 1929 г.

Ф.208. Оп.2. Д.56. Л.372об.-376. Подлинник. Автограф.

Но главная горячка и тягости начались с 20 числа, когда 19 приехал председ[атель] Комиссии по чистке Фигатнер и вместе с ним Травина, которая заменяла уехавшего в отпуск Воронова, и приехала она специально переговорить об академич[еских] делах с Сергеем. Два дня прошло, и у Сергея не было ни минуты на разговор с Травиной, так как начались тяжелые дни испытания для Академии.

Неизвестно кто, а м.б., новый заведующий рукописным отд[елом] Викторов, партийный, довел до сведения Фигатнера, что в библиотеке Ак[адемии] Наук имеются очень важные архивы, и что даже есть подлинные отречения от престола обоих Романовых, Николая II и Михаила. В понед[ельник] 21 окт[ября] Комиссия с Фигатнером и с Сергеем пришли в библиотеку, и там в комнате №14 начался осмотр архивов. Нашелся и конверт запечатанный, который, когда его вскрыли, заключал в себе подлинные отречения Николая II и Михаила. На вопрос Фигатнера, знал ли Сергей, что здесь были эти документы, он отвечал, что он ничего не знал. Как попали эти документы в библиотеку Ак[адемии] Наук? На конверте подпись Г.Е. Старицкий. Старицкий (Георг[ий] Егоров[ич], родной брат жены акад. Вернадского) и Дьяконов, два сенатора, очевидно, взяли этот документ из Сената в смутные дни и передали его покойному Шахматову. Так этот текст и передавался от одного директора библиотеки Ак[адемии] Наук к другому – от Никольского к Платонову, а от Платонова к его заместителю, а от него к Янушкину.

Сергей, действительно, искренне говорит, что не знал, что эти документы там. Но откуда слышала это я? Я смутно помню что-то. Достоверно я могу сказать одно, что Сергей вечно сердился и негодовал на Платонова, что он не слушается его уговоров и не отдает многие документы. Но это все неточно и неясно, пот[ому] что никто не придавал этому особого значения, т.к. жизнь была настолько сложна и полна событиями дел, что, право, это все откладывалось и забывалось. Конечно, Срезневский и Платонов были «злыми гениями» в этом смысле для Академии, как выразился Ферсман. Сергей пережил ужасные мучительные дни 22, 23 и 24-го вопрос все сгущался, все волновались. Фигатнера некоторые из его товарищей подговаривали придать это дело широкой гласности, предъявить Академии обвинение в контрреволюции. Все зависело от того, как отнесется к этому делу Москва, поверит ли она, что у Академии не было злонамеренного желания хранить документы. Архивов было много: архив социал-революционеров, архив партии ка[детов], личный архив бывшего шефа жандармов Джунковского, даже какие-то были еще архивы, Сергей не знает, как следует. Я думаю, что Сергей не был виноват в том, что документы оставались при Академии Наук, ведь директор библиотеки самостоятелен и отвечает за свои действия и не может, напр[имер], Секретарь отвечать за всех. Конечно, беда одна, что Презид[идент] Ак[адемии] Н[аук] – это Сергей, пот[ому] что Карпин[ский] дряхл, а вице-презид[ента] тоже почти не было со времени смерти Стеклова.

22 окт[ября] было созвано экстрен[ное] засед[ание] Президиума, и было отправлено донесение о комиссии Фигатнера, о ее действиях, и было сказано, что в 1926 г. было послано в Москву в Комиссию Енукидзе сообщение об архивах, переданных в библиотеку, и был ответ, что оставить все в Ак[адемии] Н[аук] до создания Центр[ального] Архива. Конечно, не все было перечислено, пот[ому] что члены Президиума не знали, что имеется, т.к. этим делом заведовал Платонов и Срезневский. Теперь все зависит от того, как посмотрит на дело Москва – поверят или сочтут злоумышление? Фигатнер выписал себе в подмогу товарищей – Петерс (латыш), пред[седатель] Центр[альной] Ком[иссии] по чистке, и Агранова, члена Президиума этой же Комиссии. В четверг, вчера, эта Комиссия (в присутствии еще двух стенографисток пригласила Сергея в Малый Конференц-зал, где произошел обмен мнений, вернее, допрос

Сергея по этому делу. Комиссия была безукоризненно вежлива и извинялась, что потревожила Сергея; ему были предложены приблизительно следующие вопросы: что должна хранить, по мнению Сергея, Академия Наук все документы или нет? Сергей отвечал, что в твердо организованном порядке, чисто политически вещи должны храниться в особом государственном месте, но вообще вопрос о хранении документов Академией Наук был решен тем, что в 1926 г., выяснив наличие целого ряда подобных документов, Президиум обратился в Комиссию Енукидзе с разъяснением вопроса, как быть с этими документами? И Комиссия Енукидзе постановила впредь до образования всесоюзного Центрального Архива хранить документы в Академии Наук. Так образом Академия Наук имела право хранить их, но, конечно, Президиум допустил ошибку, что не назначил полного расследования всех академических хранилищ и после выяснения того, что в них находится не сообщил Комиссии Енукидзе того, что имелось. Это объясняется крайнею перегруженностью всех работников Академии Наук и громадностью того архивного материала, который надо было пересмотреть. Далее Комиссия предложила вопрос: не считает ли С.Ф. при его хорошем знании академических работников, что было возможно злоумышленное укрывательство документов? С.Ф. ответил, убежден, что нет. Тогда его опять спросили, как же объяснить, что есть такие документы, о которых никто не знал, и их скрывали? Сергей сказал, что если существуют такие библиофилы, то есть такие же любители документов, которые боятся их выдать, думая, что они пропадут, не будут в сохранности. Фигатнер далее поставил вопрос насчет этих двух документов об отречении, указывая, что Платонов говорит, что он сообщал о них Президиуму? Сергей ответил, что он решительно не помнит такого обстоятельства, что, м.б., оно было, раз Платонов на него указывает, но что он не помнит. Вопрос: были ли стенограммы заседаний Президиума? Ольд[енбург]: стенограмм не было, а в протоколах он не нашел следа заявления Платонова. Снова вопрос – возможно ли, что те лица, которые скрывали документы, не отдавали себе отчета в исключительной важности этих документов? Ольд[енбург] – возможно, что не сознавали его политической важности. Затем Фигатнер сказал, что даже академик Платонов не признает политическую важности этих документов. Затем Сергей сказал краткую речь о заслугах Академии Наук, главным образом академика А.А. Шахматова, который передавал массами архивный материал в Центр – Архив, и только ничтожные (незначительные) остатки оказались оставшимися в Академии Наук. Тогда Фигатнер сказал, что все эти документы, наиболее значительная часть находилась в сравнительно небольшой комнате №14, где постоянно работали. Там же нашли и шифр охраны. На это Агранов сказал – правда, но это шифр прошлого века, он не имеет практического значения, а лишь историческое. Наконец, одним из последних вопросов был вопрос – полагает ли Сергей Федорович, что переданы все документы? Сергей ответил, что он не думает этого, потому что, например, недавно передан бывший архив А.Ф. Кони, где может оказаться значительное число важных документов; ему известно, например, что дело о покушении в Горках с собственноручными замечаниями Александра III, и что могут оказаться и другие документы. В заключение Сергей сказал, что теперь нужно заняться полной вывкой всего материала. На этом «допрос» Сергея окончился, его поблагодарили, и он ушел. К нему зашел Платонов, и Сергей передал ему беседу. Разногласие между ними лишь в том, что Платонов утверждает, что он докладывал Президиуму о двух документах – отречения Романовых Николая и Михаила, а Сергей говорит, что этого он абсолютно не помнит, и в списке, в перечислении документов, эти отречения не упоминаются. Затем через час вызвали этот же зал и Платонова. Он говорил затем, что его приблизительно допрашивали об этом же; относительно документов об отречении Платонов сказал Комиссии: ведь вы так же, как я, не придаете политического значения этим [документам].